

18+

Кренов Валерий

Клиника, где лечат сердца

Там, где любовь становится
испытанием

Кренов Валерий

Клиника, где лечат сердца. Там, где любовь становится испытанием

<https://litres.ru/74148043>

ISBN 9785006996304

Аннотация

Анна приезжает в клинику у таинственного озера, надеясь исцелить сердце, но оказывается втянута в мир скрытых ритуалов, опасного притяжения и тайн, связанных с озером, лебедями и исчезновением людей. Мария, чувствующая потустороннее, и Валерий, хранящий личную трагедию, ведут её к правде, где любовь становится испытанием, а свобода — ценой выбора.

Все персонажи, события и совпадения вымышлены. Произведение предназначено для взрослой аудитории.

Содержание

Глава 1. Первый сеанс	15
Эпилог главы	26
АННА	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Клиника, где лечат сердца Там, где любовь становится испытанием

Кренов Валерий

© Кренов Валерий, 2026

ISBN 978-5-0069-9630-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Название

Клиника, где лечат сердца

Озеро Счастья. Клиника Любви. Лебединый Рай

Оглавление

Пролог. Сон, который не отпускает.

Дорога к Озеру Счастья.

Клиника Любви: правила и тайны.

Доктор Райский и его методы исцеления.

Лебединый Рай по ту сторону воды.

Пациенты, которые пришли за чудом.

Ночной ритуал у озера.

Приснившаяся съёмочная группа на волоске.

Исчезновение Маши.

Испытание чувством.

Правда о клинике.

Озеро, которое выбирает само.

Разоблачение или новое искушение.

Эпилог. Остаться в раю.

Дисклеймер

Данная книга является художественным произведением.

Все персонажи, события, места и совпадения с реальными людьми или организациями случайны. Любые сцены, связанные с отношениями, психологическим воздействием или медицинской тематикой, представлены в рамках вымысла и не являются инструкцией, рекомендацией или описанием реальной практики. Произведение предназначено для взрослой аудитории.

Промо

Озеро Счастья. Клиника Любви. Лебединый Рай

Э. Призрачный Зов

Анна проснулась в поту, сердце колотилось, как после кошмара. Ей приснился он — мужчина с глазами цвета озёрной глади, шепчущий: «Приди в Лебединый Рай. Озеро Счастья ждёт». Она тряхнула головой, отгоняя видение. Москва

давила серостью, разбитые отношения с мужем — пустотой. В соцсетях мелькнуло объявление: «Клиника Любви у Озера Счастья. Исцеление сердца. Лебединый Рай — рай для влюблённых».

— Бред, — пробормотала она, но пальцы уже набирали номер. Через неделю Анна мчалась на машине по лесной дороге в Подмоскovie. Клиника пряталась у озера, окружённого туманом. Белые лебеди скользили по воде, их перья сияли, как в раю. Врач, доктор Райский — высокий брюнет с гипнотическим взглядом, — встретил её у ворот.

— Здесь мы лечим любовь, — улыбнулся он. — Или её отсутствие.

Первая ночь в палате. Анна легла, и сон вернулся. Съёмочная группа на волоске: камеры, свет, режиссёр кричит «Мотор!», а под ногами — пропасть озера. Лебеди кричат, превращаясь в людей...

Клиника Любви

Клиника была роскошью: спа, сеансы гипноза, групповые терапии. Но по ночам — шепот. Пациенты шептались о «лебедином ритуале». Анна подружилась с Машей, блондинкой с разбитым сердцем.

— Это не клиника, — шепнула Маша. — Это Лебединый Рай. Озеро даёт счастье... или забирает душу.

Доктор Райский водил экскурсии. Его руки касались её талии «случайно», вызывая дрожь. Вечером — сеанс. В тёмной комнате, под звуки лебединых криков, он гипнотизиро-

вал:

— Представь озеро. Твоё счастье там. Разденься душой... и телом.

Анна сдалась. Его губы на её шее, руки скользят по коже. Экстаз смешался с мистикой — озеро в видении манило, лебеди шептали секреты. Утром она проснулась обнажённой в его кабинете, тело ноющее от удовольствия. «Это лечение», — подумал он.

Но сон повторялся: съёмочная группа на волоске. Камеры тонут, лебеди улетают с душами актёров.

Лебединый Рай

Анна влюбилась. Доктор открылся: «Озеро — древний дух. Лебеди — стражи. Клиника — портал. Я снимаю здесь фильм... о любви и гибели».

Он показал студию у воды: съёмочная группа устанавливала декорации. «Твой сон — пророчество», — сказал Райский, целуя её страстно. Их ночи — вихрь страсти: тела сплетены на шелковых простынях, озеро за окном светится. Она стонала под ним, чувствуя, как «счастье» вливается в кровь.

Маша исчезла. Пациенты шептали: «Озеро забирает тех, кто не готов». Анна увидела лебедя с лицом Маши.

Кульминация: съёмки. Группа на понтоне у озера. Райский кричит: «Мотор!» Ветер усиливается, понтон кренится. «Съёмочная группа на волоске!» — вопит оператор. Анна в кадре, обнажённая нимфа. Озеро вздымается, лебеди ринутся...

Она просыпается? Или это реальность? Лебединый Рай манит глубже. Озеро шепчет: «Останься навсегда».

Продолжение следует...

Введение

Введение

Есть места, куда люди приезжают за исцелением, а находят там себя настоящих. Озеро Счастья именно такое место: красивое, тихое, почти нереальное, будто созданное не природой, а чьей-то тайной мечтой. Здесь вода хранит отражения тех, кто когда-то любил, страдал, надеялся и потерял себя. А рядом, среди белых лебедей и туманных троп, стоит Клиника Любви — странное и притягательное место, где лечат не тело, а сердце.

Сюда приезжают те, кто устал от боли, одиночества, предательства и внутренней пустоты. Но никто не предупреждает, что исцеление может оказаться опаснее самой раны. Потому что у каждого чувства есть своя цена, у каждого желания — своя тень, а у каждого сна — свой скрытый смысл.

И иногда достаточно одного сна, чтобы всё изменилось. Одной фразы. Одного взгляда. Одного озера, которое слишком долго молчало.

Эта история началась с тревожного сна о съёмочной группе, оказавшейся на волоске от гибели, и с дороги, ведущей туда, где любовь обещает спасение, а рай может оказаться ловушкой.

Иногда желание приходит не как вспышка, а как медленный, почти болезненный жар, который невозможно назвать и невозможно остановить. Анна чувствовала это с того самого момента, как увидела озеро: гладь воды, туманные берега, белые силуэты лебедей и тишину, в которой слышалось что-то слишком личное, слишком глубокое, будто само пространство здесь знало о ней больше, чем она о себе.

Клиника Любви встретила её не холодом, как ожидалось, а странной, тревожной заботой. Вежливые улыбки, мягкий свет, дорогие ткани, тонкий запах сандала и цветов — всё было устроено так, чтобы расслабить тело и лишить сопротивления. Но под этой безупречной красотой чувствовалась другая сила: плотная, медленная, почти осязаемая. Та, что проникает под кожу раньше, чем разум успевает возразить.

Доктор Райский появился в тот момент, когда Анна уже почти решила уехать. Его голос был низким и спокойным, взгляд — слишком внимательным, чтобы быть случайным. Он не торопился, не задавал лишних вопросов и не пытался понравиться. Именно это и сбивало с толку сильнее всего. В его присутствии становилось тесно в собственном теле, словно каждая клетка начинала помнить что-то забытое, опасное и сладкое.

Он коснулся её руки лишь на секунду — случайно, почти профессионально, — но этого хватило, чтобы по спине Анны прошла дрожь. Не от страха. От предвкушения. От той самой тонкой грани, где стыд уже не может победить любо-

пытство, а разум ещё не готов признать желание.

И где-то глубоко внутри, за всеми её сомнениями и страхами, уже поднималось другое чувство: она приехала сюда не только за исцелением. Она приехала сюда узнать, что именно в ней так долго просило быть освобождённым.

Доктор Райский, или Валерий, как значилось в его документах, был из тех мужчин, чьё спокойствие действует сильнее любого прикосновения. В нём не было показной красоты, но была власть — тихая, уверенная, опасная. Он двигался без суеты, говорил негромко, и от этого каждое его слово звучало так, будто предназначалось только ей одной.

Анна ловила себя на том, что смотрит на него слишком долго. На его руки, когда он перелистывал бумаги. На линию плеч под идеально сидящей рубашкой. На короткую паузу перед ответом, в которой читалось больше, чем в самом ответе. Валерий не спешил сокращать эту дистанцию. Напротив, он словно умел держать её на грани — достаточно близко, чтобы вызвать дрожь, и достаточно далеко, чтобы это сводило с ума.

— Здесь никто не притворяется здоровым, — сказал он однажды, глядя ей прямо в глаза. — И никто не выходит отсюда прежним.

Эта фраза застряла в ней, как заноза. Потому что Анна уже понимала: дело не только в лечении. Дело в том, что рядом с Валерием её собственные запреты начинали слабеть, уступая место чему-то более тёмному, более телесному и

опасно желанному.

Первая встреча

Анну провели по длинному коридору с мягким светом, где стены были отделаны светлым деревом, а за окнами медленно дрожал туман над озером. Всё здесь казалось слишком красивым, почти нереальным, словно она попала не в клинику, а в тщательно выстроенный сон. И именно это тревожило больше всего.

У дверей кабинета её ждала женщина лет тридцати пяти, с короткой тёмной стрижкой и внимательными, слегка насмешливыми глазами.

— Анна? — спросила она. — Я Мария. Администратор и, по совместительству, человек, который спасает пациентов от их собственных сомнений.

— Очень приятно, — сухо ответила Анна.

Мария улыбнулась так, будто сразу поняла её настроение.

— Не волнуйтесь. Здесь все поначалу держатся так, будто их привезли не лечиться, а допрашивать.

Она открыла дверь и чуть наклонила голову, пропуская Анну вперёд.

В кабинете было тихо. У стола стоял высокий мужчина в тёмной рубашке с расстёгнутой верхней пуговицей. Он обернулся не сразу, словно уже знал, кто вошёл, и не хотел делать из этого лишнего жеста. Когда его взгляд наконец коснулся Анны, ей показалось, что воздух между ними стал плотнее.

— Анна Сергеевна, — сказал он спокойно. — Я Валерий Андреевич Райский.

Его голос был низким, ровным, почти бархатным, и от этого ещё более опасным.

— Вы, значит, и есть тот самый доктор, который лечит любовь? — спросила Анна, стараясь, чтобы это прозвучало насмешливо.

— Я не лечу любовь, — ответил он. — Я помогаю понять, почему она причиняет боль.

Мария, стоявшая у двери, тихо хмыкнула.

— У него всегда такие формулировки. Привыкайте, Анна. Здесь никто не говорит прямо, если можно сказать красиво.

Анна не отвела глаз от Валерия.

— А если я не хочу привыкать?

Он чуть улыбнулся — едва заметно, но этого хватило, чтобы внутри у неё что-то дрогнуло.

— Тогда вам будет труднее всего именно здесь.

Мария сделала шаг назад, оставляя их наедине.

— Я вернусь через десять минут, — сказала она. — Если вы не начнёте смотреть друг на друга так, будто вокруг больше никого нет.

Дверь закрылась.

Тишина стала почти осязаемой.

Валерий медленно подошёл ближе, не нарушая границы слишком резко, но сокращая расстояние до той опасной точки, где даже дыхание начинает звучать слишком громко.

— Вы напряжены, — сказал он.

— А вы всегда так наблюдательны?

— Только с теми, кто пытается скрыть возбуждение за холодностью.

Анна вспыхнула, но не отступила.

— Вы слишком уверены в себе, доктор.

— А вы слишком быстро реагируете на то, что вам не нравится.

— Может быть, мне не нравится именно ваш тон.

Он опёрся ладонью о край стола и посмотрел на неё пристально, почти без улыбки.

— Нет, Анна. Вам не нравится, что я вижу вас насквозь.

Эти слова ударили точнее, чем она ожидала. В них было что-то невыносимо личное. Слишком точное. Слишком близкое.

Она сделала шаг вперёд, сама не понимая зачем.

— И что же вы видите?

Валерий задержал взгляд на её губах, потом снова посмотрел в глаза.

— Женщину, которая приехала сюда не только за ответами.

Анна почувствовала, как по коже пробежал жар.

— Осторожнее, доктор.

— С чем?

— С тем, что вы себе позволяете говорить.

Он чуть наклонил голову.

— А вы подумайте, Анна. Может быть, я позволяю себе только то, на что вы уже согласились внутри себя.

Мария в этот момент тихо постучала в дверь и, не дожидаясь ответа, приоткрыла её.

— Простите, что мешаю, — сказала она с явной иронией.
— Но у нас здесь всё-таки клиника, а не частный приём для двоих.

Анна резко отвела взгляд.

Валерий даже не обернулся сразу, будто его совсем не смутило, что Мария застала их в самом напряжённом молчании.

— Хорошо, — спокойно сказал он. — Пусть будет по протоколу.

Мария посмотрела на Анну с лёгкой улыбкой.

— Поверьте, самое интересное у нас начинается именно тогда, когда всё вроде бы идёт по протоколу.

Глава 1. Первый сеанс

Анну пригласили в кабинет Валерия в тот же вечер, когда туман над озером стал особенно густым. В коридорах клиники стояла тишина, но это была не обычная тишина — скорее осторожное молчание места, которое привыкло хранить чужие тайны. Мария проводила её до двери и задержалась на секунду, будто хотела что-то сказать, но передумала.

— Не бойтесь, — только и произнесла она. — Здесь самое опасное — не процедуры.

Валерий ждал у окна. На улице вода почти сливалась с небом, и в этом сером мерцании его силуэт казался ещё выше и жёстче. Он снял очки, когда Анна вошла, и посмотрел на неё так, будто уже давно знал, каким будет её ответ на любой вопрос.

— Садитесь, — сказал он.

Анна опустилась в кресло напротив, выпрямив спину.

— Я не люблю, когда мной командуют.

— Тогда вам будет непросто. Вы ведь приехали не за удобством.

Он говорил спокойно, без нажима, и именно это раздражало сильнее всего. Анна скрестила руки на груди.

— И что вы собираетесь делать? Лечить меня разговорами?

— Сначала — разговорами. Потом вы сами решите, хоти-

те ли продолжать.

Она усмехнулась.

— Очень уклончиво.

— Очень точно, — ответил он.

Валерий сел не сразу. Сначала он открыл папку с её документами, потом убрал её в сторону, словно бумаги были ему не нужны. Его внимание было сосредоточено только на ней. И от этого по коже у Анны пробежала тонкая, предательская дрожь.

— Расскажите, чего вы боитесь, — произнёс он.

— Вас?

— Это уже не страх. Это реакция.

Анна прикусила губу, злость смешалась с неловкостью.

— Вы всегда так разговариваете с пациентками?

— Нет. Только с теми, кто пытается выглядеть сильнее, чем чувствует себя на самом деле.

Она подняла взгляд.

— А вы всегда так уверены, что всё понимаете?

— Нет. Но в вас я уже вижу гораздо больше, чем вы хотели бы показать.

Эти слова повисли между ними. Анна вдруг поняла, что в кабинете слишком тепло. Или это ей только кажется? Валерий наклонился чуть вперёд, опираясь локтями о колени.

— Вы приехали сюда не только из-за усталости, — сказал он. — Не только из-за боли. У вас есть внутренний голод, Анна. И он гораздо опаснее, чем вы думаете.

Она резко поднялась.

— Вы переходите границу.

Он тоже встал, но не приблизился сразу. Просто остался напротив, высокий, спокойный, слишком собранный.

— Нет, — тихо сказал он. — Я только называю вещи своими именами.

Молчание стало густым, почти горячим.

— И какие же вы ещё вещи умеете называть? — спросила Анна, сама не узнавая свой голос.

Валерий посмотрел на неё медленно, без улыбки.

— Те, которые вы пока боитесь услышать.

Она не отвела взгляда.

— А если я не боюсь?

— Тогда вы бы уже не стояли так близко ко мне.

Анна замерла. Он сказал это ровно, почти холодно, но в этих словах было слишком много напряжения. Слишком много понимания. Слишком много того, что не имело отношения к протоколу.

В этот момент дверь едва слышно приоткрылась.

— Валерий Андреевич, — раздался голос Марии, — я принесла результаты анализов. И, кажется, у нас снова проблемы с архивом.

Она вошла без смущения, с папкой в руках и с тем выражением лица, которое бывает у человека, точно знающего больше, чем говорит.

Анна сделала шаг назад.

Мария посмотрела сначала на неё, потом на Валерия.

— Не переживайте, — сказала она с лёгкой улыбкой. — У нас здесь это обычное явление. Кто-то приходит лечить сердце, а кто-то — проверять, насколько далеко можно зайти, не признаваясь в этом даже себе.

Первая тайна

После сеанса Мария догнала Анну уже в конце коридора. Она шла быстро, почти бесшумно, и когда сравнялась с ней, понизила голос.

— Вам стоит знать одну вещь.

Анна остановилась.

— Какую?

Мария оглянулась, будто даже стены могли подслушать.

— Официально это клиника восстановления эмоционального равновесия. Неофициально — здесь собирают людей, которые слишком много потеряли, чтобы потом проверить, что с ними можно сделать.

— Что это значит?

Мария криво усмехнулась.

— Это значит, что не все сюда приехали добровольно. И не все уезжают отсюда такими, какими были раньше.

Анна нахмурилась.

— Вы меня пугаете.

— Нет, — тихо ответила Мария. — Я вас предупреждаю.

Она достала из кармана маленький металлический ключ и на секунду сжала его в ладони.

— Если увидите на двери комнаты белую метку, не входите туда ночью. И если Валерий скажет вам, что это всего лишь часть терапии, не верьте сразу.

— Почему вы мне это говорите?

Мария посмотрела на неё долгим, почти сочувственным взглядом.

— Потому что вы уже интересны ему больше, чем должны быть. А это здесь никогда не заканчивается хорошо.

С этими словами она развернулась и пошла обратно по коридору, оставив Анну в тишине, где внезапно стало слишком холодно.

Продолжение интриги

Анна долго стояла неподвижно, сжимая ремешок сумки. За окнами клубился туман, и в нём, на мгновение, ей показалось движение — будто кто-то или что-то наблюдало за ней с берега озера.

В кабинете Валерия по-прежнему горел свет.

И Анна вдруг поняла: первая тайна клиники была не в том, что здесь лечат любовь.

Первая тайна была в том, что здесь любовь, кажется, умели превращать в оружие. Ночь в клинике наступала не сразу, а словно медленно опускалась с потолка вместе с тусклым светом ламп и влажным запахом тумана. Анна долго не могла уснуть. Слова Марии не выходили из головы, и чем больше она пыталась убедить себя, что это просто странные намёки, тем сильнее росло чувство тревоги.

Когда часы в холле пробили полночь, Анна встала с кровати. В палате было слишком тихо. Она накинула халат и вышла в коридор.

Здесь всё выглядело иначе, чем днём. Свет был приглушён, двери казались выше, а тени — гуще. Где-то вдалеке скрипнула половица. Анна остановилась, прислушиваясь. Сердце ударилось о рёбра слишком резко.

Она шла медленно, почти неслышно, пока не увидела её. Белая метка.

Она была на двери в конце коридора — маленький круглый знак, нанесённый чем-то похожим на краску или мел. Дверь выглядела обычной, но именно это и пугало сильнее всего: ничем не примечательная поверхность, за которой могло скрываться всё что угодно.

Анна вспомнила предупреждение Марии.

Не входите туда ночью.

Она сделала ещё один шаг, сама не понимая, зачем. Потом ещё один. Воздух вокруг стал холоднее. Казалось, из-за двери тянуло не сквозняком, а чем-то живым — чужим, внимательным, почти ожидающим.

Анна протянула руку к ручке, но остановилась, когда услышала за спиной тихий голос:

— Я бы не советовал.

Она резко обернулась.

Валерий стоял в нескольких шагах от неё. Без пиджака, в тёмной рубашке, расстёгнутой у горла. Его лицо в полумраке

казалось ещё резче, а взгляд — опаснее.

— Вы следите за мной? — спросила она, стараясь не выдать дрожь.

— Я слышал шаги. В таком месте это всегда повод насторожиться.

Анна опустила руку.

— И что за дверью?

Он посмотрел на белую метку, потом снова на неё.

— То, что вам пока не нужно видеть.

— Вы говорите это так, будто я обязательно захочу увидеть.

Валерий медленно подошёл ближе. Не слишком близко, но достаточно, чтобы Анна почувствовала его присутствие каждой клеткой. Его голос стал ниже:

— Вы уже хотите. И именно поэтому я здесь.

Её дыхание сбилось.

— Чтобы остановить меня?

— Чтобы не дать вам совершить ошибку, о которой вы потом будете жалеть.

— А если я люблю ошибки?

— Тогда вы выбрали не то место для начала.

Он протянул руку и мягко коснулся её запястья. Это был едва заметный жест, но от него по телу Анны прошёл жар — острый, почти болезненный. Она не отдёрнула руку сразу, и он это заметил.

— Вы дрожите, — сказал он тихо.

— Здесь холодно.

— Нет, — ответил он. — Это не от холода.

Анна подняла взгляд, и в этой тишине между ними что-то изменилось. Стало тесно, почти невыносимо. Валерий не отпускал её руку, и от этого молчание казалось ещё более интимным, чем любое признание.

— Вы приходите ко мне на сеанс, — сказал он, — а по ночам ищите двери с метками. Вам стоит решить, чего вы хотите сильнее.

— А вам? — выдохнула она. — Вам неинтересно, чего хочу я?

Его глаза потемнели.

— Слишком интересно.

Эта фраза ударила сильнее прикосновения.

Анна почувствовала, как внутри поднимается странная, почти пугающая волна — не только страха, но и притяжения, от которого хотелось отступить и одновременно шагнуть навстречу. Валерий наклонился чуть ближе, но остановился на самой границе её дыхания.

— Уходите в палату, Анна, — сказал он. — Пока я ещё прошу.

Она стояла неподвижно, не в силах сделать ни шага. Потом медленно отступила назад.

Валерий не сводил с неё глаз, пока она не скрылась за поворотом коридора.

Эротическая сцена

Анна вернулась в палату с сердцем, которое не могло успокоиться. Ей казалось, что всё тело помнит прикосновение его руки, словно оно было дольше и откровеннее, чем на самом деле. Она сняла халат, села на край кровати и закрыла глаза, пытаясь избавиться от нарастающего жара.

Но стоило ей услышать тихий стук, как она вздрогнула.

Дверь открылась не сразу. Сначала — тень. Потом Валерий.

Он вошёл без спешки, закрыв дверь за собой. Его взгляд был прямым, тяжёлым, слишком внимательным. Анна встала, и между ними снова возникло это напряжение — невыносимое, живое, почти физическое.

— Вы не должны были приходить, — прошептала она.

— Я и не собирался долго оставаться.

Он подошёл ближе. В комнате стало тесно от его присутствия. Анна чувствовала запах его кожи, холодный воздух ночи на его одежде, и что-то внутри неё болезненно сжималось от ожидания.

— Тогда зачем? — спросила она.

Валерий остановился в шаге от неё.

— Чтобы проверить, насколько вы ещё способны сопротивляться.

Её дыхание дрогнуло.

— А если не смогу?

Он медленно поднял руку и коснулся пальцами её щеки. Это было почти невесомо, но Анна тут же закрыла глаза, буд-

то от этого касания по ней прошёл электрический разряд.

— Тогда, Анна, вам придётся признаться себе в том, чего вы хотите на самом деле.

Она открыла глаза.

— А вы?

Валерий смотрел на неё так, словно весь его контроль держался только на одном усилии воли.

— Я уже почти перестал притворяться, что не хочу слишком многого.

Анна сделала шаг к нему сама. Потом ещё один. Их разделяло лишь дыхание. Его ладонь скользнула ниже, к её шее, и остановилась там, где пульс бился слишком быстро. Она почувствовала, как у неё подкашиваются ноги не от слабости, а от этого медленного, мучительного предвкушения.

— Вы играете со мной, — прошептала она.

— Нет, — ответил он. — Я только даю вам шанс не сожрать.

Их губы оказались рядом. Так близко, что любое движение могло всё изменить. Валерий ждал. И именно эта выдержка была самым опасным из всего.

Анна первой поднялась на носки и поцеловала его.

Это был не нежный поцелуй и не быстрый. Он оказался горячим, напряжённым, как признание, которого никто из них не хотел произносить вслух. Валерий ответил сразу, сдержанно лишь в первые секунды, а потом его рука уверенно легла ей на талию, притягивая ближе. Анна почувствова-

ла, как по коже разливается жар, как исчезает последняя дистанция, как дыхание становится сбивчивым и неровным.

Он остановился первым.

Не потому, что не хотел продолжать, а потому, что умел держать себя в руках тогда, когда она уже почти теряла контроль.

— Если мы зайдём дальше, — сказал он тихо, почти у её губ, — назад пути уже не будет.

Анна смотрела на него, тяжело дыша.

— А вы уверены, что я хочу назад?

Валерий не ответил сразу. В его взгляде было слишком много голода, слишком много подавленного желания.

И именно в этот момент раздался стук в дверь.

Они оба замерли.

Голос Марии прозвучал приглушённо снаружи:

— Валерий Андреевич. Вам стоит выйти. Сейчас.

Эпилог главы

Валерий медленно отстранился, не отрывая от Анны взгляда.

— Не выходите из палаты, — сказал он.

И вышел, оставив после себя воздух, который ещё долго дрожал от их близости.

Анна опустилась на кровать, всё ещё чувствуя вкус его поцелуя и страх, смешанный с желанием. За дверью снова слышались шаги. Потом — голос Марии, напряжённый и уже не ироничный:

— Она всё-таки открыла дверь.

Анна подняла голову.

В клинике началась ночь, после которой ничто уже не могло остаться прежним.

Глава 2. За белой дверью

Мария вошла в палату без стука уже через минуту после того, как Валерий ушёл. На её лице не осталось и следа прежней иронии — только напряжение и усталость человека, который слишком много знает о чужих ошибках.

— Вы не послушали, — сказала она тихо.

Анна поднялась с кровати.

— Что там за дверью?

Мария закрыла за собой вход и на секунду прижалась к нему спиной, словно ей нужно было убедиться, что никто не

идёт следом.

— То, что вам лучше было бы не видеть.

— Вы это уже говорили.

— А вы всё равно полезли.

Анна шагнула ближе.

— Мария, хватит играть со мной. Я хочу знать правду.

Мария посмотрела на неё долго, почти сочувственно.

— Правду здесь никто не получает сразу. Сначала её проверяют на прочность.

Она подошла к окну, отодвинула штору и посмотрела в темноту.

— За этой дверью — архив. Но не обычный. Там хранятся личные дела тех, кто проходил через клинику раньше. И не только дела.

Анна нахмурилась.

— Что значит «не только»?

Мария повернулась к ней.

— Фотографии, записи, результаты наблюдений, письма, которые люди оставляли и потом почему-то не забирали. Иногда — вещи. Иногда — то, что человек не помнит, что вообще когда-то терял.

У Анны пересохло во рту.

— Вы говорите загадками.

— Потому что прямые ответы здесь опаснее. — Мария понизила голос. — Среди этих дел есть те, которые никогда не должны были попасть в клинику. Люди приезжали сюда

по доброй воле, а потом оказывалось, что добровольность — очень хрупкая вещь.

Анна почувствовала, как по спине пробежал холод.

— И Валерий об этом знает?

Мария усмехнулась без улыбки.

— Валерий знает почти всё. Вопрос только в том, что из этого он считает допустимым.

Она подошла ближе и вдруг достала из кармана маленькую карточку.

— Возьмите.

Анна посмотрела на неё.

— Что это?

— Пропуск. Старый. Он работает только на нижнем этаже. Туда, куда пациентов обычно не водят.

— Почему вы даёте его мне?

Мария задержала взгляд на её лице.

— Потому что вы уже зашли слишком далеко, чтобы просто уйти. И потому что я не уверена, что Валерий расскажет вам всё вовремя.

Анна взяла карточку, но не убрала её сразу.

— Вы мне помогаете или проверяете?

Мария подошла почти вплотную и ответила очень тихо:

— Я пытаюсь понять, выживет ли кто-то из вас, если всё это зайдёт дальше.

Ночная тревога

Когда Мария ушла, Анна долго сидела неподвижно. В ру-

ках у неё был тонкий пластиковый пропуск, а в голове — слишком много вопросов. Она понимала одно: в этой клинике всё было устроено не для лечения, а для медленного, точного проникновения в самое уязвимое.

Чем дольше она думала о Валерии, тем сильнее становилось странное чувство — он не просто опасен. Он будто сам заперт в этом месте вместе со всеми остальными. И, возможно, не меньше других боится того, что скрыто под красивыми словами, мягким светом и видом на озеро.

Около трёх часов ночи Анна снова слышала шаги в коридоре.

На этот раз они были не у её двери.

Они остановились возле комнаты с белой меткой.

Потом — тишина.

Анна встала, подошла к двери и замерла. В коридоре было пусто. Но на полу, у самой стены, лежал белый конверт. Она медленно подняла его и увидела на лицевой стороне только одно слово:

АННА

Внутри оказался лист бумаги, сложенный вдвое. Она развернула его и прочитала короткую фразу, выведенную аккуратным мужским почерком:

«Вы уже вошли туда, откуда не все возвращаются.»

Анна почувствовала, как сердце сбивается с ритма.

И в этот же момент, совсем рядом, из-за двери с белой меткой раздался тихий стук.

Один.

Потом ещё один.

Будто кто-то внутри знал, что она здесь стоит.

Утро

Утром Анну нашла Мария. Она была бледнее обычного, и даже её привычная резкость исчезла.

— Вы получили письмо? — спросила она.

Анна молча протянула ей конверт.

Мария быстро прочитала записку, и лицо её изменилось.

— Значит, началось.

— Что началось? — резко спросила Анна.

Мария подняла на неё взгляд.

— То, чего Валерий боялся больше, чем признавался. И если вы хотите остаться в живых, вам нужно перестать смотреть на него как на мужчину, к которому тянет.

Анна сжала пальцы.

— А как мне на него смотреть?

Мария ответила не сразу.

— Как на человека, который может оказаться и вашим спасением, и вашей ловушкой.

С этими словами она повернулась и ушла по коридору, оставив Анну наедине с ощущением, что клиника больше не просто пугает её.

Она начала отвечать ей. Глава 3. Озеро и лебеди

К вечеру Анна снова вышла к озеру. После ночи с письмом и стуком в дверь ей казалось, что стены клиники начали теснить её, а воздух внутри стал слишком тяжёлым. Здесь, у воды, дышалось легче, хотя тишина была не менее тревожной.

Озеро лежало перед ней неподвижно, как огромное тёмное зеркало. Туман стелился низко, касаясь берега мягкими, почти ласковыми движениями. Белые лебеди скользили по воде бесшумно и величественно, и их спокойствие казалось почти нечеловеческим. Они не боялись людей. Или просто давно привыкли к ним.

Анна опустилась на деревянную скамью у самой тропинки. Ветер тронул её волосы, и в этот момент она увидела Валерия. Он стоял немного в стороне, у кромки берега, в тёмной рубашке, с руками, убранными в карманы. Его силуэт словно принадлежал этому месту так же естественно, как туман, вода и лебеди.

Он не подошёл сразу.

— Вы ушли, не предупредив, — сказал он, не оборачиваясь.

Анна посмотрела на него.

— Я не обязана докладывать, куда иду.

— Нет. Но в этой клинике у любых прогулок есть последствия.

Она усмехнулась, хотя внутри всё ещё дрожало от вчерашней близости.

— Вы всегда так говорите, будто знаете, чем всё закончится.

Наконец он повернулся к ней. Лицо было спокойным, но взгляд — слишком внимательным.

— Я знаю, чем обычно заканчиваются такие места, — ответил он. — И знаю, что люди часто сами идут навстречу тому, чего боятся.

Анна поднялась со скамьи.

— Тогда скажите прямо: чего боитесь вы?

Валерий не ответил сразу. Словно даже вопрос задел в нём что-то личное.

В этот миг один из лебедей подплыл ближе к берегу. Белые перья светились в сумерках, а чёрные глаза казались неожиданно умными. Анна невольно сделала шаг назад.

— Они здесь давно? — спросила она.

— С самого начала, — сказал Валерий. — Озеро без них не работает.

— Что это значит?

Он посмотрел на воду.

— У этого места есть своя память. И свои наблюдатели.

Анна почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Вы говорите о лебедях так, будто они не просто птицы.

— Здесь ничего не бывает просто птицей, Анна.

Она хотела возразить, но в этот момент туман над водой чуть сгустился, и на поверхности озера словно дрогнуло отражение. Анне почудилось движение — не в воде, а под ней. Будто что-то огромное и тёмное шевельнулось в глубине, скрываясь от взгляда.

Она вздрогнула.

Валерий сразу заметил это.

— Что вы увидели?

— Ничего, — слишком быстро ответила она.

Он сделал шаг ближе.

— В этой клинике слово «ничего» редко означает пустоту.

Анна подняла взгляд. Впервые за всё время она увидела в его лице не только контроль, но и тень напряжения. Совсем короткую, почти неуловимую. И от этого он стал ещё опаснее.

Лебедь вдруг расправил крылья и ударил ими по воде. Брызги рассыпались в воздухе, как белые искры.

— Они реагируют на вас, — тихо сказал Валерий.

— На меня?

— На то, что вы уже почувствовали.

Анна не поняла, о чём он, но её сердце вдруг забилось ча-

ще. Озеро притягивало и пугало одновременно, словно обещало ответы, которые могут оказаться слишком дорогими. Ветер усилился, и в его порыве ей на секунду почудилось, что из воды поднимается едва различимый шёпот.

Она шагнула к берегу.

— Анна, — сказал Валерий уже жёстче.

Она обернулась.

— Что?

— Не подходите ближе.

Но было поздно. Лебедь, плававший у берега, внезапно поднял голову и посмотрел прямо на неё. Анне показалось, что в этом взгляде есть нечто осознанное, почти человеческое. Потом вода у её ног дрогнула, и на поверхности всплыло что-то белое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.